

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ НАХОДКЕ

В Москве, в апреле 1933 года, Котэ Марджанишвили готовил к выпуску параллельно два спектакля: трагедию Шиллера «Дон-Карлос» и оперетту Иоганна Штрауса «Летучая мышь».

Рабочий день распределялся следующим образом: в утренние часы Константин Александрович репетировал в Малом театре, а после полудня приезжал на репетицию в театр оперетты. В Малом, после его ухода, репетицию продолжал его ассистент А. А. Костров, а в театре оперетты до его прихода репетировал я.

К истории этих спектаклей, достаточно освещенных в специальной литературе, можно было бы и не возвращаться. Но мало кому известно, что у Марджанишвили, выпускавшем в двух московских театрах одновременно две премьеры, на домашнем рабочем столе лежал раскрытый том Шекспира — режиссерский экземпляр спектакля «Ромео и Джульетта», относящийся уже к преддверию нового театрального сезона в родном Тбилиси, где, кстати сказать, с целой кучей первых набросков уже ждал большого режиссера открытый им молодой художник Ника Казбег.

В Москве, ввиду того, что Константин Александрович не успел захватить с собой пьесу, он взял для работы у Е. С. Саранчевой, актрисы театра МОСПС, в квартире которой мы жили, том Шекспира знаменитого издания Брокгауза и Ефрона.

Том этот после смерти Марджанишвили Саранчева, как дорогую память, оставила у себя. Вскоре, со смертью Саранчевой, уже казалась похороненной и сама надежда спасти столь ценную реликвию.

И вот через 40 лет я с волнением листаю марджановский экземпляр «Ромео и Джульетты» и в который раз убеждаюсь, сколь серьезный, кропотливый труд предшествовал работе великого режиссера, изумлявшей всех внезапностью лавины страсти и взлетом вдохновения.

Кроме того, перед нами прекрасное свидетельство того, что в этом большом художнике и мастере до конца его дней билось сердце великого интернационалиста, сочетавшего живую практику теснейших связей братских театральных культур с глубокой преданностью родной сцене.

И, наконец, глубоко символично и то, что до последней, внезапной и роковой ми-

нуты 17 апреля 1933 года, Марджанишвили жил и творил с думой о новых молодых силах театра, о молодом зрителе.

Трудно переоценить значение этой находки. Мы должны быть особенно благодарны Елене Левановне Гварамадзе. В продолжение одиннадцати лет она настойчиво и терпеливо шла по открывшемуся ей следу и, наконец, нашла эту чудом уцелевшую реликвию, позаботившись и о том, чтобы столь ценная находка стала достоянием нашей общечеловечности.

Хочется подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Народная артистка Грузинской ССР, наш прославленный мастер классической и национальной хореографии, доктор искусствоведения предприняла этот поиск, не связанный ни с ее научной темой, ни со страстью охотника — коллекционера, с одной лишь целью — спасти ценность.

Теперь режиссерский экземпляр «Ромео и Джульетты», принадлежащий К. А. Марджанишвили, будет храниться в Тбилисском государственном университете и украшать коллекцию кабинета Шекспира, которым руководит профессор Н. А. Кисашвили, оказавший Елене Левановне Гварамадзе поддержку в успешном завершении столь ценного поиска.

Серго ЧЕЛИДЗЕ,

народный артист Грузинской ССР.